

это иногда есть средство, къ которому прибѣгаютъ парижскіе профессора, чтобъ читать, вмѣсто двухъ, одну лекцію въ недѣлю.

Несравненно болѣе пользы и интереса представляли для меня лекціи *Дройзена*, въ последнее время приглашеннаго сюда изъ Тены. Чтенія его объ исторіи древняго Востока были единственнымъ полнымъ курсомъ объ этомъ предметѣ, какой мнѣ удалось встрѣтить во время моего двухлѣтняго пребыванія за границей, ибо изъ частныхъ курсовъ этого содержанія я имѣлъ случай слушать только лекціи *Лепсіуса* о египетской исторіи и хронологіи. Хотя, при изложеніи исторіи древней Индіи (по *Лассена Ind. Alterthumsk.* и *Вебера — Indische Stud.*), Египта (по изслѣдов. *Лепсіуса*, *Бругша* и *Бунзена*), Семитическихъ (*Моверса — die Phoenizier*) и Аріанскихъ народовъ, *Дройзенъ* пользовался трудами только германскихъ ученыхъ, и даже новѣйшія изслѣдованія по части вавилоно-ассирійскихъ археологическихъ открытій (*Ботты*, *Лайарда*, *Роллинсона*) занимствовалъ, большею частию, изъ нѣмецкихъ ученыхъ журналовъ (особенно изъ *Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft*); но все-же этимъ путемъ я пріобрѣлъ большую часть моихъ свѣдѣній о современномъ состояніи этого отдѣла исторіи древняго міра; ибо въ Парижѣ, гдѣ мнѣ удалось заняться имъ нѣсколько посредствомъ знакомства съ мемуарами Академіи Надписей, и особенно трудами извѣстнаго теперь семитолога Эрнеста Ренана (члена Института), *Ошперта (Voyage en Mésopotamie)* и египтолога *Руже*, избраннаго недавно на

кафедру древней Археологіи, вмѣсто умершаго въ прошломъ году Ленормана (слѣдовательно—на кафедрѣ Шампольона Мл.), работы мои все-таки были весьма отрывочны.

Второй курсъ Дройзена—о новѣйшей исторіи Европы, начиная съ Вѣнскаго конгресса, есть его любимый спеціальный курсъ, вадъ которымъ онъ трудился много лѣтъ и разработалъ его самостоятельно, по источникамъ. Когда онъ будетъ изданъ, извѣстное сочиненіе Гервинуса найдетъ въ немъ достойнаго соперника, а по отчетливости и ясности одушевленнаго изложенія—соперника, даже опаснаго. Такъ-какъ время, которое профессоръ избралъ для своихъ чтеній, слишкомъ близко къ намъ, и интересы настоящей эпохи непосредственно входятъ въ его исторію, то, противъ общаго метода германскихъ профессоровъ, обыкновенно, болѣе или менѣе, объективныхъ въ своемъ изложеніи, Дройзенъ читаетъ его исторію прагматически, сопровождая оцѣнку событій и лицъ тѣмъ строгимъ нравственнымъ судомъ, который напоминаетъ Шлоссера.

Другой курсъ новѣйшей исторіи, съ 1775 года, читанъ былъ *Мишле*, ученикомъ Гегеля и однимъ изъ издателей его посмертныхъ сочиненій. Но это была болѣе философія новѣйшей исторіи, и вниманіе преподавателя обращено было не столько на фактическую полноту и документальность курса, сколько на объясненіе тѣхъ неизбѣжныхъ, естественныхъ логическихъ законовъ, по которымъ развивались событія. Мишле—одинъ изъ очень немногихъ теперешнихъ профессоровъ Германіи, еще читающихъ философскую исторію, кредитъ кото-

рой въ послѣднее двадцатилѣтіе падалъ все болѣе и болѣе. Курсъ его, впрочемъ весьма интересный, въ нынѣшнемъ году появился уже въ печати, подъ именемъ «Geschichte der Menschheit seit 1775».

Избирая Берлинъ центромъ моихъ занятій въ Германіи, я, между прочимъ, имѣлъ также въ виду пользоваться курсами *Раумера*, столь извѣстнаго всему образованному міру своими сочиненіями. Но, прибывъ на мѣсто, я не встрѣтилъ исполненія моихъ ожиданій. Раумеръ читалъ, правда, курсъ древней исторіи; но это былъ такой бѣглый очеркъ (въ одинъ семестръ онъ прочиталъ всю исторію древняго міра), и при томъ профессоръ такъ близко держался руководства, въ послѣдній разъ изданнаго имъ въ 1847 г. (*Vorlesungen über die alte Geschichte*), что я не нашелъ особеннаго интереса посѣщать его постоянно.

Остаются еще два преподавателя исторіи, лекціи которыхъ я посѣщалъ въ Берлинѣ: *Köppke* и *Гиршъ*, оба — ученики Ранке, усвоившіе совершенно критическій методъ и объективный взглядъ учителя. Первый читалъ исторію Германіи, съ начала XVI вѣка, второй — специальный курсъ исторіи Пруссіи. Это была, въ строгомъ смыслѣ, политическая, или скорѣе, дипломатическая исторія, очень подробно, добросовѣстно составленная по документамъ; но все же, преслѣдуя только это вышнее развитіе и мало касаясь внутренней исторіи, курсы эти казались мнѣ односторонними и нѣсколько сухими, тѣмъ болѣе, что объективное изложеніе, гдѣ

преподаватель воздерживается отъ всякаго рода сужденій о событіяхъ и лицахъ, требуетъ особеннаго пластическаго таланта, чтобы избѣжать монотонности официальной реляціи. А именно талантъ этотъ, по крайней мѣрѣ въ изустномъ изложеніи, встрѣчается очень рѣдко между германскими профессорами, въ этомъ отношеніи, вообще, стоящими ниже своихъ ученыхъ трудовъ.

Такимъ образомъ, хотя Берлинъ и не выполнилъ всѣхъ моихъ ожиданій, но тѣмъ не менѣе я не жалѣю, что остался въ немъ на семестръ; ибо за-то, въ другихъ ученыхъ и учебныхъ отношеніяхъ, никакой другой пунктъ Германіи не представляетъ такихъ удобствъ. Первая въ Германіи библіотека, очень доступная и устроенная такъ либерально, что въ этомъ отношеніи только Императорская парижская можетъ быть поставлена выше ея; — главное средоточіе всѣхъ ученыхъ и литературныхъ новостей; вся атмосфера славныхъ преданій науки, подъ вліяніемъ которыхъ воспитывается ученое сословіе и мыслящіе классы общества, преданій, идущихъ отъ такихъ учителей, какъ Савиныи и Нибуръ, Гегель, Гриммы, Бэкъ, Бошъ, Ранке, Раумеръ и Риттеръ, отчасти еще дѣятельныхъ по-нынѣ, отчасти уже сошедшихъ съ поприща; далѣе — публичныя лекціи, которыя читаются обыкновенно членами Ученаго Общества (*der wissenschaftliche Verein*), разные роды книжной торговли, превосходные музеи; — все это можетъ рекомендовать Берлинъ для каждаго, начинающаго знакомство съ ученой Германіей, тѣмъ болѣе что, при совершенномъ отсутствіи централизаціи, какъ въ

умственной жизни Германіи, такъ и въ общественной, каждый университетъ имѣетъ свои слабыя стороны, но за-то рѣдкій не имѣетъ и какой-нибудь европейской знаменитости. Судя съ этой точки зрѣнія, берлинскій философскій факультетъ все-таки первый въ Германіи.

б) Второй—сколько я могу заключить изъ того, что видѣлъ и узналъ,—*Мюнхенскій*, особенно быстро поднявшійся въ правленіе нынѣшняго Короля баварскаго, человека почти съ ученымъ образованіемъ, принимающаго самое живое, личное участіе въ дѣлѣ науки и въ преуспѣяніи университетской дѣятельности. Благодаря этому высокому покровительству, мюнхенскій университетъ, еще 15 лѣтъ тому назадъ наполненный ультрамонтанами, людьми узкихъ взглядовъ, односторонняго направленія, не выходившій изъ схоластическихъ приѣмовъ старой науки, въ настоящее время сдѣлался центромъ умственнаго движенія южной Германіи и однимъ изъ важнѣйшихъ ученыхъ пунктовъ Европы.

Въ числѣ многихъ новыхъ преподавателей, приглашенныхъ сюда Королемъ Максомъ, первое мѣсто безспорно принадлежитъ *Зибелю*. Профессоръ Зибель—также одинъ изъ учениковъ Ранке, конечно, не съ такими заслугами, какъ учитель, но гораздо популярнѣе его въ литературѣ и обществѣ. Кроме глубокаго знакомства съ національною исторіографіей, что составляетъ принадлежность каждого нѣмецкаго профессора исторіи, Зибель обладаетъ также замѣчательнымъ знаніемъ общей литературы и особенно французской и ан-

гійской. Притомъ - же онъ одинъ изъ числа тѣхъ не-
часто встрѣчающихся нѣмецкихъ ученыхъ, которые,
будучи ревностными патріотами, не простираютъ этого
патріотизма до односторонности, такъ точно, какъ и въ
своемъ либерализмѣ умѣлъ онъ найти здравую средину,
далекую отъ крайностей политическихъ партій. Не у-
дивительно, что человекъ, съ такими качествами и съ
такою разумною терпимостію, въ короткое время могъ
сосредоточить вокругъ себя почти всѣхъ даровитѣй-
шихъ представителей юной германской историографіи
для общаго, задуманнаго имъ дѣла, а именно — издаванія
триместральнаго Историческаго Журнала (*Historische
Zeitschrift*), служащаго органомъ здоровой Исторической
школы и указателемъ всѣхъ замѣчательныхъ ея явлен-
ній. Съ другой стороны, Зибель — непремѣнный секре-
тарь недавно основанной при мюнхенской Академіи На-
укъ Исторической Коммиссіи, имѣющей цѣлію изданіе
всѣхъ тѣхъ документовъ и памятниковъ германской ис-
торіи, которые не вошли въ программу пертцовыхъ
«*Monumenta*». Такимъ образомъ, около него сосредото-
чивается значительная часть теперешней ученой и ли-
тературной дѣятельности Германіи по части исторіо-
графіи. Тѣмъ болѣе я радъ, что мнѣ удалось во мно-
гихъ случаяхъ пользоваться советами и опытностію та-
кого руководителя.

Какъ большая часть нѣмецкихъ профессоровъ, пре-
подаватель Зибель — далеко не блистательный, и читан-
ный имъ въ мое время курсъ средневѣковой исторіи за-
падной Европы, къ концу лѣтняго семестра, именно —
когда я былъ въ Мюнхенѣ, перешелъ въ такіе бѣглые

очерки, что по нимъ трудно было составить вѣрное понятіе о преподаваніи профессора. Мнѣ извѣстны, впрочемъ, нѣкоторыя печатныя его лекціи (напр. о первомъ крестовомъ походѣ, о войнѣ за освобожденіе въ 1813 и 1814 годахъ), и по нимъ, какъ и по большому его сочиненію (*Gesch. der Revolutionszeit*), я могъ болѣе оцѣнить его методъ и взгляды. За-то несравненно интереснѣе были для меня его «историческія упражненія», и особенно соединенныя съ ними литературныя и библіографическія указанія, а нерѣдко и подробные разборы главнѣйшихъ явленій нѣмецкой исторіографіи.

Далеко не столь блистательныя и отчасти, напротивъ, противоположныя качества соединяетъ въ себѣ другой, интересовавшій меня въ Мюнхенѣ преподаватель — *Риль*. Въ немъ я встрѣтилъ только отличнаго специалиста національной исторіи, и то не всей, а преимущественно средняго ея періода, примѣрно съ XIV до XVIII вѣка, и при томъ не столько политической, сколько исторіи культуры. Какъ всѣ тѣсно спеціальныя люди, Риль мало знакомъ со всѣмъ, что выходитъ за предѣлы круга его занятій, напр. съ чужими литературами, и оттого часто одностороненъ въ оцѣнкѣ даже своей. Собственно, по оффиціальной дѣятельности, Риль — камералистъ и читаетъ систему государственныхъ наукъ. Но его любимый предметъ, какъ извѣстно, — *Culturgeschichte*. Въ мое время онъ читалъ курсъ исторіи цивилизаціи новой Европы, и именно разсматривалъ эпоху гуманизма и реформаціи въ литературномъ и общественномъ отношеніи. Я слѣдилъ за лекціями съ

большимъ вниманіемъ, какъ по новостн курса, такъ и потому, что Риль дѣйствительно глубокій знатокъ внутренней исторіи Германіи, тѣмъ болѣе, что его юридическія свѣдѣнія даютъ ему возможность очень основательно и разносторонно разсматривать внутренній бытъ общества. Но, не смотря на общее названіе, это былъ, по преимуществу, курсъ германской культуры; ибо, гдѣ дѣло касалось чужаго развитія, тамъ профессоръ ограничивался слишкомъ общими, поверхностными очерками. Впрочемъ, надо отдать справедливость Рилу, что въ своихъ лекціяхъ онъ далеко не такъ субъективенъ, какъ въ своихъ сочиненіяхъ, ибо, по словамъ его — и въ нихъ слышится много добросовѣстности, — публичный курсъ имѣетъ цѣлію знакомить слушателей съ состояніемъ науки, а не съ личными взглядами и убѣжденіями преподавателя. Риль былъ такъ добръ, что снабдилъ меня нѣкоторыми свѣдѣніями о литературѣ *Culturgeschichte*, столь меня интересовавшей.

Хотя въ Мюнхенѣ, кромѣ Зибеля и Риля, есть еще нѣсколько другихъ преподавателей исторіи, но изъ нихъ заслуживаетъ вниманія только *Корнелиусъ*, тоже ученикъ Ранке. Спеціальный курсъ объ исторіи Тридцатилѣтней войны, читанный имъ въ лѣтнемъ семестрѣ 1858 — 59 г., интересовалъ меня тѣмъ болѣе, что это была не военная исторія, но событія разсматривались со стороны политическаго и нравственнаго вліянія, какое они имѣли на Европу, и особенно на Германію. Лекціи составлены были очень добросовѣстно, по документамъ, съ тою объективностію, какая особенно необхо-

дима для энциклики, въ сужденіяхъ о которой еще по-нынѣ господствуетъ большое разногласіе мнѣній, условливаемое различіемъ религіозныхъ убѣжденій и интересовъ.

с) Въ *Вѣнѣ* я пробылъ столько-же, сколько и въ Мюнхенѣ, т. е. около мѣсяца, хотя лекціями могъ пользоваться только двѣ недѣли, такъ-какъ пребываніе мое въ австрійской столицѣ случилось во время страстной и свѣтлой недѣли.

Хотя въ Австріи университетское преподаваніе и считается свободнымъ, такъ точно какъ и книгопечатаніе; но и то, и другое ограничено однако большою отвѣтственностію, официальною и неофициальною. Поэтому курсы исторіи, преподаваемые въ вѣнскомъ университетѣ, имѣютъ не столько ученый, сколько учебный характеръ, т. е. на педагогическую сторону ихъ обращается много вниманія, и менѣе — на свободное, ученое развитіе предмета. Согласно съ этимъ принципомъ, вѣнскіе профессора — всѣ отличные педагоги, читаютъ ясно, основательно, прочитываютъ предложенные курсы вполнѣ, и притомъ — съ равномернымъ вниманіемъ ко всѣмъ частямъ и отдѣламъ науки, тогда-какъ рѣдкій изъ профессоровъ другихъ нѣмецкихъ университетовъ, читая самостоятельно разработанный, такъ сказать, имъ самимъ созданный курсъ, можетъ придержи-ваться этой формальной симметріи. Изъ слышанныхъ мною вѣнскихъ преподавателей, одинъ только *Ieger*, — самостоятельный изслѣдователь и ученый знатокъ австрійской исторіи (*Beiträge zur österreichischen Geschichte, Ueber Maximilian's Verhältnisse zur Papstthum*), онъ-

же и председатель Исторической Комиссии (при Академии Наукъ) для изданія памятниковъ національной исторіи, — читалъ самостоятельный курсъ австрійской исторіи, основанный на документальныхъ изслѣдованіяхъ, и удовлетворялъ бы самымъ строгимъ требованіямъ академическаго преподаванія, если-бы его объективность не была только кажущимся безпристрастіемъ; — Іегеръ — духовное лицо и, кажется, іезуитъ.

Съ большою пользою и удовольствіемъ бывалъ я на лекціяхъ профессора Всеобщей исторіи *Ашбаха*, очень извѣстнаго и заслуженнаго въ исторической литературѣ ученаго. (Его исторія императора Сигизмунда и особенно многочисленные труды по исторіи средневѣковой Испаніи считаются лучшими въ нѣмецкой литературѣ). Онъ воспитался подъ вліяніемъ Шлоссера, у котораго работалъ въ Гейдельбергѣ и усвоилъ себѣ его направленіе, т. е. прагматическій методъ изслѣдованія, и отчасти шлоссеровскій либерализмъ, на сколько онъ могъ помириться съ его католическими убѣжденіями, хотя далеко не ультрамонтанскими. Я засталъ его курсъ объ исторіи древнѣйшей Германіи, и хотя въ немъ не было никакихъ самостоятельныхъ изслѣдованій преподавателя; но все, сдѣланное въ наукѣ по разнымъ вопросамъ, касающимся этой эпохи, изложено было съ такою добросовѣстностію, каждый трудъ, каждое пособіе оцѣнены такъ правильно и безпристрастно, что мнѣ оставалось только сожалѣть, что ограниченность времени не позволила мнѣ слѣдить долѣе за его лекціями. По преподавательскому таланту, не увлекательному, но строго

логическому, Амбахъ, безспорно, одинъ изъ первыхъ педагоговъ Германіи.

d) Немногіе университеты Германіи соединяютъ столько благопріятныхъ для науки условій, какъ *Гейдельбергскій*. Его славное прошедшее, одна изъ лучшихъ въ Германіи библіотекъ (заключающая, между прочимъ, извѣстный *Codex palatinus* рукописей, очень рѣдкихъ), — съ другой стороны живописное мѣстоположеніе города, здоровый климатъ и дешевая жизнь издавна сдѣлали этотъ пунктъ любимымъ мѣстопребываніемъ людей, посвятившихъ жизнь свою ученымъ трудамъ, и въ настоящее время — цѣлаго общества европейскихъ знаменитостей: Шлоссеръ, Бунзенъ, Гервинусъ, Велькеръ, не участвуя уже въ университетской дѣятельности, избрали Гейдельбергъ своей постоянной резиденціей. Общество такихъ лицъ, ихъ ученое и нравственное вліяніе, естественно, должны благотворно дѣйствовать и на университетъ.

Преемникомъ Гервинуса на кафедрѣ Всеобщей исторіи сдѣлался теперь одинъ изъ даровитѣйшихъ послѣдователей Шлоссера — профессоръ *Гайссеръ*, извѣстный, какъ писатель, своею классической исторіей Германіи (отъ смерти Фридриха В. до 1815 г.). Въ теченіи трехъ недѣль, мною здѣсь проведенныхъ, я постоянно посѣщалъ оба читанные имъ курса — римской исторіи и исторіи французской революціи. Первый, не составлялъ спеціальности профессора, читается имъ, главнымъ образомъ, по Швейглеру — для древнѣйшаго періода рим-

ской исторіи, по Нибуру—для средняго, и по Моммзену—для новѣйшаго, или послѣдняго предѣ установленіемъ имперіи, — конечно, принимая въ соображеніе недостатки и односторонности во взглядахъ этихъ авторитетовъ, что, въ особенности, должно сказать о Моммзенѣ. Но новѣйшая исторія Европы составляетъ спеціальность Гайссера, и періодъ революціи разработанъ имъ по источникамъ и очень самостоятельно. Методъ его—прагматическій, шлоссеровскій. Какъ доцентъ, Гайссеръ считается однимъ изъ блистательнѣйшихъ въ Германіи. У него-же я встрѣтилъ обыкновеніе, которое желательно было бы видѣть во всѣхъ нѣмецкихъ университетахъ. Предѣ началомъ семестра профессоръ издаетъ подробный печатный конспектъ предстоящихъ курсовъ, съ указаніемъ всѣхъ источниковъ и ученыхъ пособій, которыми онъ намѣренъ пользоваться для ихъ различныхъ отдѣловъ. Такимъ образомъ, не смотря на мое короткое пребываніе въ Гейдельбергѣ, о курсѣ исторіи революціи Гайссера я имѣю болѣе полное понятіе, нежели о многихъ другихъ изъ слуханныхъ мной за границей. Хотя Гайссеръ не отличается особенною предупредительностію къ иностранцамъ, но все-же онъ былъ такъ любезенъ, что сообщилъ мнѣ нужныя свѣдѣнія на счетъ своего курса римской исторіи, для котораго нѣтъ печатной программы.

Здѣсь-же я посѣщалъ единственный курсъ исторіи Исламизма, какой мнѣ удалось встрѣтить въ чужихъ краяхъ. Его читалъ профессоръ *Вейль*, извѣстный ориенталистъ, давно уже своими изслѣдованіями (объ ис-

торіи Магомета и объ исторіи каліфовъ) вѣтъснвнѣйшій
прежній главный авторитетъ Гаммера.

Что касается до *способа преподаванія* Нѣмецкихъ профессоровъ вообще, то, какъ я уже замѣтилъ, на форму лекцій они мало обращаютъ вниманія. «Слушатели наши, говорилъ мнѣ одинъ изъ нихъ, не столько гоняются за краснорѣчіемъ, сколько за существеннымъ знаніемъ (Sie suchen mehr belehrt, als unterhalten zu werden)». Оттого всѣ почти, съ очень рѣдкими исключеніями, не только университетскіе, но даже публичныя, то есть популярныя курсы, читаются по запискамъ. Это, конечно, отчасти лишаетъ преподаваніе занимательности и жизни, но за-то имѣетъ ту хорошую сторону, что при этомъ выигрывается много времени для ученой обработки лекція въ кабинетъ, ибо преподавателю, отъ природы не владѣющему даромъ слова, много стоило бы труда литературно отдѣлать лекцію и усвоить ее себѣ для изустнаго произнесения. А между тѣмъ, опытнѣйшіе изъ нихъ читаютъ по 6, 8 и даже 10 часовъ въ недѣлю. Молодые доценты, начинающіе преподавательское поприще, читаютъ, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, одни спеціальныя курсы. И когда весь предметъ разработанъ такими спеціальными трудами, тогда только рѣшаются они объявить общій курсъ. Съ другой стороны, преобладаніе спеціальныхъ курсовъ надъ общими есть одна изъ причинъ успѣшнаго развитія исторической и вообще ученой литературы въ Германіи; ибо профессору, для лекцій основательно разработавшему извѣстный отдѣлъ науки, стоить только удосужиться, что-

бы отдѣлать его литературно, — и хорошая книга готова. Большая часть ученыхъ трудовъ нѣмецкихъ, по крайней мѣрѣ по исторіи, возникла такимъ образомъ. Далѣе, преподаватель имѣетъ полную свободу выбора своего предмета; и университетъ не гоняется за тѣмъ, чтобъ вся наука была прочтена, но чтобъ тѣ отдѣлы ея, которые будутъ пройдены, дали слушателямъ ясное понятіе, какъ должно изучать ту или другую эпоху, ибо университетское преподаваніе имѣетъ задачею не столько передачу современныхъ результатовъ извѣстной науки, сколько, еще болѣе, указаніе средствъ и метода ея самостоятельнаго изученія.

2. Академическое преподаваніе Всеобщей исторіи въ Парижѣ.

Такъ-какъ вся Франція — ученая, литературная, общественная, политическая и административная, сосредоточена въ Парижѣ, и каждый провинціальный городъ, каждый провинціальный факультетъ есть только болѣе или менѣе точное отраженіе парижскаго типа, то совершенно достаточно познакомиться съ этимъ типомъ, чтобы имѣть уже понятіе объ всѣхъ его видоизмѣненіяхъ. На этомъ основаніи, и я, подобно всѣмъ другимъ путешественникамъ, преслѣдующимъ какія-нибудь ученныя цѣли, всѣ пять мѣсяцевъ моего пребыванія во Франціи прожилъ въ ея столицѣ. Болѣе половины этого времени посвящено было мной на знакомство съ тамошними высшими учебными заведеніями, имѣвшими отношеніе къ

предмету моихъ занятій, а именно: съ Сорбонной, Французской Коллегіей, (*Collège de France*), Императорской Школой Хартий (*Ecole Impériale des Chartes*) и Высшимъ Нормальнымъ училищемъ (*Ecole Normale supérieur*); обращая особенное вниманіе на преподаваніе въ нихъ историческихъ наукъ.

Хотя въ прежнія времена Сорбонна и *Collège de France* были не только разнохарактерными, но даже враждебными другъ другу заведеніями, имѣвшими различное направленіе и преслѣдовавшими различныя цѣли; но отъ этого древняго антагонизма не осталось бы теперь и слѣдовъ, если-бы теологическій факультетъ Сорбонны не напоминалъ еще, по временамъ, о старинныхъ разлогласіяхъ и враждѣ.

Въ настоящее время, Сорбонна, съ своими тремя факультетами (*de la Théologie, des Sciences et des Lettres*), представляетъ собою собственно университетъ парижскій, что предполагаетъ болѣе ученое, строгое и систематическое преподаваніе, тогда-какъ Коллегія есть мѣсто для популярныя лекцій, предназначенныхъ для большой публики. Но на самомъ дѣлѣ, различіе состоитъ только въ организаціи и болѣе публичности *Collège de France*, куда допускаются и дамы; но въ способъ, характеръ и духъ преподаванія я не замѣтилъ никакой разницы. И тамъ, и здѣсь курсы читаются одинаково популярно, и даже иногда — дилетантски, и тамъ, и здѣсь встрѣчаются профессора, составляющіе изъ этого исключеніе; въ обоихъ, наконецъ, преподавателю предоставлена, по видимому, полная свобода развѣывать

на темы своей науки какія ему угодно теоріи, взгляды, эпизоды, намеки и отступленія.

Общій характер этого преподаванія — ораторскій, столь свойственный генію націи и всей ея литературы. Блистательный монологъ, въ формѣ одушевленной импровизаціи, составляетъ главный предметъ самолюбія французскаго профессора, — и ужь, конечно, такое мастерское изложеніе, какое я встрѣтилъ въ Парижѣ, едва-ли мнѣ придется гдѣ-нибудь услышать. Французы — урожденные рассказчики. Иное дѣло — содержаніе лекціи. Иной разъ съ величайшимъ удовольствіемъ слушаешь полтора часа и потомъ, въ результатъ, остается довольно смутное представленіе о системѣ и господствующей мысли всего чтенія. Таковъ, напр., Сень-Маркъ-Жирарденъ, профессоръ исторіи французской литературы, пользующійся, однакожъ, въ Парижѣ, а слѣдовательно и во всей Франціи, величайшимъ уваженіемъ.

Кромѣ того, я встрѣтилъ немногихъ преподавателей, которые бы, въ своихъ курсахъ, имѣли въ виду одну только ученую цѣль. Каждый почти видитъ въ преподаваніи, между прочимъ, и средство политическаго воспитанія; хотя къ чести ихъ должно замѣтить, что всѣ они, съ рѣдкимъ тактомъ и замѣчательнымъ единодушіемъ, развиваютъ очень здравый либерализмъ, оправдываемый національною исторіей.

Еще одна черта французскаго преподаванія. Это сравнительно малое знакомство профессоровъ съ иностранными литературами, и особенно съ нѣмецкой; и если въ Германіи тоже можно нерѣдко встрѣтить этотъ недо-

статокъ, то здѣсь онъ еще рѣзче бросается въ глаза. Впрочемъ, въ последнее время стало и это перемѣняться, и въ «Институтъ», напримѣръ, германская наука такъ-же дома, какъ и въ Берлинъ.

Но я уже замѣтилъ, что изъ всего этого встрѣчаются исключенія; и вотъ на эти-то исключенія я и обращалъ особенное вниманіе.

а) Каѳедра Всеобщей исторіи въ Сорбоннѣ принадлежитъ профессору *Россѣ-Сентъ-Илеру* (Rosseeuw-Saint-Nilaire), извѣстному въ исторической литературѣ своей исторіей Испаніи. Въ зимній семестръ 1859—1860 год. онъ читалъ курсъ римской исторіи съ пуническихъ войнъ до смерти Цезаря. Такъ-какъ ни одинъ французскій профессоръ не читаетъ болѣе двухъ лекцій въ недѣлю, а часто и одну, то, въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, преподаватель успѣлъ, въ видѣ введенія къ своему настоящему курсу, довести римскую исторію только до начала пуническихъ войнъ, разумѣется въ общихъ очеркахъ и эпизодически. Это были мастерскія картины, рассказанныя очень увлекательно и живописно; но ни глубокаго изученія источниковъ, ни даже знакомства съ современнымъ состояніемъ науки я въ нихъ не замѣтилъ, и даже имѣю основаніе думать, что профессоръ не знакомъ съ изслѣдованіями Швейглера и Моммзена, или, по крайней мѣрѣ, не счелъ нужнымъ ими воспользоваться. Главнымъ руководителемъ его былъ Нибуръ. Символизированная передѣлка этого послѣдняго Мицке также принималась въ соображеніе.

Национальную исторію въ Сорбоннѣ читаетъ *Валлонъ*,

членъ Института. На этотъ разъ профессоръ развивалъ на лекціяхъ исторію монархическаго начала во Франціи съ Филиппа IV, — съ краткимъ предварительнымъ очеркомъ древнѣйшей французской исторіи. Валлонъ не имѣетъ ни одного изъ обыкновенныхъ качествъ французскаго профессора, ни ораторскаго таланта, ни искусства группировать событія въ картины. Но это очень основательный ученый, излагавшій свой предметъ по документамъ, и, что во Франціи очень рѣдко, совершенно объективно, но за-то однообразно и сухо тамъ, гдѣ самые памятники не оживляли изложенія. Но въ объясненія преподавателя вошли всѣ современныя изслѣдованія, всѣ мемуары Академіи; такъ-что этимъ лекціямъ я много обязанъ моимъ знакомствомъ съ теперешней ученой разработкой національной исторіи во Франціи. Таковъ-же Валлонъ и въ своихъ сочиненіяхъ (напр. въ исторіи Іоанны д'Аркъ), хотя перомъ онъ владѣетъ гораздо лучше, нежели словомъ.

Въ Сорбоннѣ же я слушалъ лекціи профессора *Cessey* (*Saisset*) объ исторіи платоновой философіи въ среднихъ вѣкахъ. Курсъ этотъ былъ для меня интересенъ въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, я имѣлъ тутъ случай познакомиться съ ученіемъ и системою французскаго спиритуализма (*Cessey* — ученикъ и преемникъ Кузена), котораго преподаватель этотъ служить теперь однимъ изъ лучшихъ представителей. И во-вторыхъ, профессоръ развивалъ тутъ довольно новую тему, указывая, какъ даже во времена схоластики, т. е. господства Аристотеля, платонизмъ продолжалъ владычествовать

надъ избранными умами — Бл. Августина (въ формѣ Нео-платонизма), Скотта Эригена, Ансельма Кентрбэрійскаго, Реалистовъ, и чрезъ нихъ — надъ обществомъ. Лекціи составлены были добросовѣстно, по самымъ сочиненіямъ разбираемыхъ писателей. Замѣчательно-тонкій діалектический талантъ Сессе и его вообще большое знакомство съ новѣйшими философскими системами Германіи, равно какъ и со всею исторіей науки, придавали его чтеніямъ еще болѣе интереса.

б) Во *Французской Коллегіи* кафедра Мишле принадлежитъ теперь академику *Гишю* (Guigniaut), человеку необыкновеннаго трудолюбія и учености. Онъ перевелъ и передѣлалъ по новымъ изслѣдованіямъ Символику Крейцера (*Les religions de l'antiquité*), издалъ, вмѣстѣ съ Нат. де Вайльи, XXII-й томъ *des Historiens des Gaules et de la France* (продолженіе бенедиктинской коллекціи, предпринятое теперь Академіей); въ мемуарахъ Института есть нѣсколько его замѣчательныхъ изслѣдованій по части древней міѳологіи и литературы (напр. объ элевзинскихъ таинствахъ); но, какъ преподаватель, онъ не имѣетъ ни педагогическаго таланта, ни дара слова. Поэтому, какъ ни интересенъ былъ для меня предметъ его курса (онъ читалъ исторію древней Индіи со времени Будды), но, побывавъ на его лекціяхъ, я убѣдился, что эти запутанныя, утомительныя чтенія мало могутъ познакомить меня съ ихъ содержаніемъ, и потому оставилъ ихъ, тѣмъ болѣе, что онъ совпадалъ съ другими лекціями, болѣе меня интересовавшими.

Самый дѣльный и самый полезный курсъ изъ всѣхъ,

какіе я слушалъ въ Парижѣ, были, безъ сомнѣнія, лекціи академика *Лабуле* (Laboulaye) — объ исторіи французскаго права, вмѣстѣ съ которой онъ соединялъ изложеніе самой исторіи Франціи, или, лучше сказать, исторію ея цивилизаціи. Особенно, начало курса, — а я только и успѣлъ прослушать одно начало, ибо профессоръ предпринялъ его въ большихъ размѣрахъ, — посвящено было, почти исключительно, исторической оцѣнкѣ галльскаго элемента, а еще обстоятельнѣе и разностороннѣе — римскаго, при чемъ разсматривался весь административный, юридическій, государственный, экономическій, финансовый и военный механизмъ римскаго общества во времена имперіи, — такъ-какъ эти учрежденія сдѣлались непосредственнымъ основаніемъ общественному устройству, водворившемуся въ Галліи со времени завоеванія ея германскими племенами, служили ему ближайшей почвой и исходными пунктами. Очень интересны были также для меня нѣсколько вводныхъ лекцій, гдѣ преподаватель объяснялъ значеніе и роль юридическаго элемента въ исторіографіи. Глубокое знакомство Лабуле со всеми европейскими учеными литературами и его отличный преподавательскій талантъ образовали изъ него профессора, счастливо соединившаго нѣмецкую основательность съ блестящими внѣшними качествами французскаго преподаванія. Какъ ученый, Лабуле извѣстенъ своей исторіей французскаго права, исторіей Соединенныхъ Штатовъ съ первыхъ временъ колонизаціи до начала войны за независимость, этюдами о современной ученой Германіи и многими другими меньшими трудами въ мемуарахъ Академіи Написей.

Съ равнымъ интересомъ и пользою слушалъ я также лекціи академика *Париса* (Paulin Paris), одного изъ замѣчательнѣйшихъ современныхъ знатоковъ средневѣковой литературы. Профессоръ читалъ на лекціяхъ текстъ *Фруассаровыхъ* мемуаровъ, и при этомъ въ критическомъ отношеніи разбиралъ ихъ разсказъ о происшествіяхъ XIV вѣка, сравнивая его съ показаніями другихъ современныхъ памятниковъ французскихъ и итальянскихъ (особ. съ хроникой *Сень-Дени* и мемуарами *Виллани*). Возстановивъ такимъ образомъ истинный смыслъ событія, преподаватель указывалъ на всѣ неправильности и искаженія, въ какихъ оно представлено у извѣстнѣйшихъ современныхъ національныхъ историковъ. Кромѣ того, его объясненія *фруассаровыхъ* терминовъ составляли превосходные комментаріи не только на самого писателя, но и вообще на обычай и все устройство средневѣковаго быта, знакомаго этому ученому во всѣхъ своихъ подробностяхъ, такъ-какъ, въ должности члена правленія Императорской публичной библіотеки, онъ много занимался рукописной литературой среднихъ вѣковъ и издалъ описанія многихъ сотъ манускриптовъ (*Les manuscrits de la Bibliothèque du Roi*). Изъ другихъ большихъ трудовъ *Париса* извѣстенъ его переводъ *плѣцеровъ Нестора* на французскій языкъ.

Я имѣлъ случай пользоваться личными сношеніями съ гг. *Лабуле* и *Парисомъ* и обязанъ имъ много тѣмъ свѣдѣніями, которыя могъ пріобрѣсть по части французской исторической литературы.

Наконецъ, я долженъ упомянуть еще о лекціяхъ *de*

Ломенн (адъюнктъ, suppléant — Вильмена), читавшаго о жизни и сочиненіяхъ Вольтера и влияніи ихъ на общество XVIII вѣка и современное. Курсъ этотъ, очень, впрочемъ, добросовѣстно составленный, интересенъ былъ для меня болѣе потому, что изъ него я могъ видѣть, какъ смотрять теперь во Франціи на писателя, въ сужденіи о которомъ, по преимуществу, можетъ выражаться религиозное, нравственное и политическое настроеніе умовъ.

Изъ этого бѣлаго очерка преподаванія исторіи въ Сорбоннѣ и Коллегіи можно уже видѣть, что курсы, тамъ читаемые, ограничены всѣ очень *спеціальными* темами; но и они даже, какъ я слышалъ, никогда не дочитываются вполнѣ по предположеннымъ программамъ. Преподаватели, большею частію, ограничиваются одною лекціею въ недѣлю и, какъ я замѣтилъ, не отличаются особенною аккуратностію. Учебная обработка курсовъ различна, но, по *литературной формѣ*, они такъ мало оставляютъ желать, что каждая лекція, записанная стенографически, могла бы быть тотчасъ-же напечатана. Такимъ образомъ, даже въ кругу лучшихъ представителей академическаго преподаванія, нельзя не замѣтить преобладанія *литературно-эстетическаго направленія* надъ учено-систематическимъ и методическимъ. Для человека, ищущаго серьезной науки, преподаваніе это представляло бы вообще очень посредственный интересъ, если-бы оно не приносило двойной пользы, представляя съ одной стороны лучшую школу яснаго, логически-распланированнаго и художественнаго *изложенія*,

и съ другой — не учило бы видѣть и понимать *отношенія науки къ самой жизни*. Въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ, оно совершенно противоположно отвлеченно-ученому чтенію нѣмецкаго профессора, рѣдко позволяющаго себѣ указать на отношеніе, или аналогію извѣстнаго историческаго явленія къ эпохѣ, намъ современной. Въ искусствѣ извлечь изъ исторіи урокъ для настоящаго Французы уступаютъ однимъ только Англичанамъ, сколько я, по крайней мѣрѣ, могу суждать по ихъ исторической литературѣ, достигшимъ въ этомъ отношеніи не только до совершенства, но даже до крайностей.

Публика, ищущая общаго образованія, непосредственно пригоднаго для жизни и для свѣта, тѣснится въ Сорбоннѣ и Collège de France. Но кто желаетъ серьезно и основательно изучать исторію, какъ науку, тотъ поступаетъ въ Школу Хартій, специально для того организованную, или же въ Высшее Нормальное училище, соответствующее, въ извѣстномъ отношеніи, нашему бывшему главному педагогическому институту.

с) Императорская Школа Хартій (Ecole Impériale des Chartes), основанная еще во времена первой имперіи, потомъ на время закрытая и получившая окончательную организацію съ 1847 года, имѣетъ цѣлю — образованіе ученыхъ изслѣдователей національной исторіи, и специально-палеографовъ, библіотекарей, архиваріевъ и сотрудниковъ для Академіи Надписей. Поэтому, ученіе, въ ней предлагаемое, соединяетъ теорію съ

практикой и имѣть въ виду глубокое изученіе матеріаловъ національной исторіи и критическое приготовленіе ихъ для систематическихъ работъ. Согласно съ этимъ, въ трехлѣтнемъ курсѣ училища преподаваніе распределено въ слѣдующемъ порядкѣ. Въ первомъ году воспитанники упражняются въ чтеніи старинныхъ почерковъ и въ изученіи средневѣковой латыни, равно какъ и современныхъ ей романскихъ нарѣчій. Второй годъ посвящается изслѣдованіямъ рукописныхъ памятниковъ въ отношеніи ихъ документальнаго значенія и подлинности, равно-какъ знакомству съ различными методами классификаціи библіотекъ и архивовъ. Въ послѣднемъ курсѣ, наконецъ, преподается исторія политическихъ учреждений Франціи среднихъ вѣковъ, ея географія, искусство и право. Кромѣ того, профессора практически пріучаютъ воспитанниковъ къ методу, могущему надежно руководить ихъ въ будущихъ ученыхъ трудахъ. На этомъ основаніи, преподаваніе Палеографіи, Дипломатики, языковъ — чисто *практическое*, соединенное съ безпрестанными *упражненіями*. По субботамъ ученики представляютъ свои письменныя работы (*des thèses*), опыты своего обращенія съ историческимъ матеріаломъ. Для обсужденія этихъ работъ, подъ руководствомъ профессоровъ, учреждается родъ *ученаго диспута* (*une conférence*), въ которомъ принимаютъ участіе всѣ воспитанники. При выпускномъ экзаменѣ, тѣ-зы эти, или диссертацин, должны имѣть характеръ самостоятельнаго ученаго изслѣдованія. Успѣвшіе какъ въ этомъ, такъ и въ устномъ испытаніи, по приговору совѣта Школы, удостоиваются званія Архивиста — пале-

ографа, соединеннаго съ извѣстными преимуществами по ученой службѣ. По мысли основателей училища, оно должно было содѣйствовать подготовленіемъ хорошихъ специалистовъ, продолженію историческихъ изданій, такъ успѣшно начатыхъ Бенедиктинцами конгрегациі св. Мавра и потомъ пріостановленныхъ бурями революціи. И дѣйствительно, въ лѣтописяхъ своихъ Школа Хартій можетъ указать уже на нѣсколько именъ, имѣющихъ право стать на ряду съ именами Буке, Мартена или Дюрана. Если-бъ училище образовало одного только *Герара* (Guérard—ученый издатель «Полиптики Ирминона», Хартуларіевъ Франціи и Капитулярія—*de Villis*), то существованіе его было бы уже оправдано. Но за Гераромъ слѣдуетъ цѣлый рядъ почтенныхъ дѣятелей на поприщѣ науки. Изъ нихъ санскритологъ Бюрнуфъ и географъ Барбье-де-Бокажъ имѣютъ европейскую извѣстность.

Школа имѣетъ свою *библіотеку*, состоящую, преимущественно, изъ всѣхъ изданныхъ до-нынѣ матеріаловъ французской исторіи и можетъ пользоваться архивами имперіи, въ зданіи которыхъ она и помѣщается.

Въ библіотекѣ этой я занимался нѣкоторое время съ дозволенія директора заведенія *Лакабана*, имѣя въ виду знакомство съ упомянутыми выше историческими матеріалами, какъ и вообще съ ученой французской исторіографіей. Я былъ лично знакомъ съ нѣкоторыми изъ гг. профессоровъ, какъ—съ *Буркело* и *Валле-де-Виривиль*, и нерѣдко пользовался ихъ руководствомъ и любезностію.

При училищѣ есть *Историческое Общество*—*Société*

de l'Ecole des Chartes—издающее свой журналъ (Bibliothèque de l'Ecole des Chartes), имѣющій цѣлю со-
дѣйствовать ученой разработкѣ источниковъ національ-
ной исторіи и доводить до свѣдѣнія ученой публики но-
вооткрываемые документы. Въ Обществѣ участвуютъ
только бывшіе воспитанники Школы. Въ его органѣ
могутъ помѣщаться одни самостоятельныя ученія, из-
слѣдованія.

Что касается до курсовъ, тамъ читаемыхъ, то хотя
я бывалъ на всѣхъ, чтобы имѣть понятіе, какимъ об-
разомъ они преподаются, но болѣе постоянно, на сколь-
ко позволяло то столкновеніе съ лекціями Сорбонны и
Коллегіи, слѣдилъ за чтеніями профессора *Кишера* и
адъюкта *Буркелó*. Первый читалъ Дипломатику, по
Мабильонову трактату (*De re diplomatica*), соединен-
ную съ практическими упражненіями на fac-simile ха-
рактернѣйшихъ грамотъ,—а также Археологію средне-
вѣковаго искусства во Франціи, по собственнымъ запис-
камъ. Второй—курсъ исторіи государственныхъ учреж-
деній средневѣковой Франціи, очень добросовѣстно со-
ставленный по лучшимъ французскимъ изслѣдованіямъ.

d) Доступъ въ *Высшее Нормальное училище* (Ecole
Normale supérieure), имѣющее интернальное устройство,
для постороннихъ лицъ почти не возможенъ по той при-
чинѣ, что публичное преподаваніе имѣло бы вѣроят-
нымъ послѣдствіемъ литературный и популярный ха-
рактеръ лекцій, господствующій въ Сорбоннѣ и Collège
de France. И такъ-какъ цѣль заведенія—образова-
ніе молодыхъ людей, спеціально приготовленныхъ къ

званію профессоръ въ лицѣяхъ и вообще — среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, то начальство старается устранить всѣ обстоятельства, которыя могли бы способствовать развитію формы курсовъ въ ущербъ ихъ содержанію, и между прочимъ — доступъ посторонней публики въ заведеніе.

Но, посредствомъ личныхъ сношеній съ нѣкоторыми изъ гг. профессоръ, и особенно — съ извѣстнѣйшимъ изъ нихъ по части исторіи — *Шерюэле*мъ, я старался собрать свѣдѣнія какъ о самомъ заведеніи, образовавшемъ столько отличныхъ литераторовъ и педагоговъ, такъ и о господствующемъ въ немъ методѣ преподаванія исторіи.

Ученіе въ Высшемъ Нормальномъ училищѣ — трехлѣтнее. Въ первомъ году преподаются общіе приготовительные предметы, во второмъ — ученики избираютъ себѣ специальности, и только въ последнемъ — идутъ уже строго спеціальныя занятія. Въ этомъ последнемъ курсѣ правильныхъ лекцій нѣтъ вовсе, а учреждается родъ практическихъ занятій, такъ называемыхъ *des conférences*. Въ ихъ воспитанники занимаются кабинетнымъ образомъ. Профессора (*Maitres des conférences*) руководятъ ихъ въ этихъ занятіяхъ своими совѣтами и контролемъ.

Что касается до *занятій по исторіи*, то они организованы слѣдующимъ образомъ. *Maitre des conférences* избираетъ какой-нибудь историческій вопросъ, указываетъ для него источники и пособія и предлагаетъ

воспитанникамъ, въ распоряженіи которыхъ находится бібліотека училища, обработать назначенную тему. Если тема эта—изъ области греческой, римской, или французской исторіи, то ученики имѣютъ право руководствоваться, преимущественно, только самыми источниками, для пользованія которыми они принимаютъ во вниманіе критическія указанія профессора и, кроме того, имѣютъ нѣкоторыя руководства, приспособленныя для этой цѣли, какъ напр. 11 томовъ мёзелевой Исторической бібліотеки (Moesel — Bibliotheca historica) гдѣ, для разныхъ отдѣловъ греческой, римской и французской исторіи, указаны и отчасти приведены источники самымъ обстоятельнымъ образомъ. Кроме того, у нихъ есть приспособленное къ педагогическимъ цѣлямъ извлеченіе изъ пертцовыхъ «Monumenta» (*Scriptores rerum germanicarum in usum scholarum*), справочный историческій словарь академика Леба (12 частей) и другія пособія. Все это, вмѣстѣ съ критическими примѣчаніями профессора, доставляетъ и указываетъ имъ матеріалъ для назначенныхъ ученыхъ упражненій, при составленіи которыхъ они должны принимать во вниманіе также и новѣйшія изслѣдованія о предметѣ. Приготовивъ, такимъ образомъ, свою тему, воспитанникъ читаетъ о ней въ конференціи лекцію, товарищи возражаютъ ему, а преподаватель руководитъ диспутомъ и пополняетъ высказанныя свѣдѣнія и взгляды.

Изученіе другихъ отдѣловъ Всеобщей исторіи не такъ спеціально. Для темъ избираются только важнѣйшія историческія явленія, указываются и для нихъ также источники, но ученики имѣютъ право готовить свои

задачи также и по сочиненіямъ, рекомендованнымъ преподавателемъ.

Такимъ образомъ, подобно «историческимъ упражненіямъ» въ германскихъ университетахъ, въ Высшемъ Нормальномъ училищѣ не столько имѣють въ виду полноту изученія предмета, сколько стараются сообщить молодымъ людямъ вѣрный методъ его критическаго изученія и преподаванія, на что, впрочемъ, указываетъ уже и самое имя заведенія.

Въ связи съ Нормальнымъ училищемъ состоитъ *Французская школа въ Аѳинахъ* (Ecole française d'Athènes), поставленная, съ другой стороны, подъ покровительство и высшій контроль Академіи Надписей.

Учрежденіе это имѣетъ цѣлю дать молодымъ людямъ, отлично окончившимъ курсъ въ Высшемъ Нормальномъ училищѣ, а также — молодымъ преподавателямъ лицеевъ (гимназій), имѣющимъ званіе лиценціата и выдержавшимъ успешно спеціальный, для этой цѣли установленный экзаменъ, — средство усовершенствоваться въ греческомъ языкѣ, древностяхъ и исторіи, и вообще — пополнить свое классическое образованіе.

На два или на три года, молодые люди отправляются, на счетъ казны, въ Аѳины, откуда, послѣ болѣе или менѣе продолжительныхъ приготовительныхъ занятій, предпринимаютъ ученые экскурсіи по Греціи, Малой Азіи и островамъ для изслѣдованія какихъ-нибудь спеціальныхъ вопросовъ по части исторіи, географіи, археологіи, въ мѣстностяхъ, замѣчательныхъ въ историческомъ отношеніи. Вопросы эти, большею частію,

указываются Академіей. По возвращеніи въ отечество, путешествовавшій обязанъ представить результаты своихъ занятій въ формѣ ученаго мемуара, или отдѣльнаго сочиненія.

Не чего и говорить, сколько учрежденіе это, существующее съ 1852-го года, способствуетъ педагогическимъ и ученымъ цѣлямъ классическаго образованія во Франціи и успѣшной разработкѣ древней исторіи, особенно если прибавить къ этому, что Академія Надписей, съ своей стороны, часто командируетъ своихъ членовъ для ученыхъ изслѣдованій въ разныхъ мѣстахъ древняго историческаго міра. Такъ, въ последнее время, членъ института Ренье отправленъ былъ въ Римъ для специальныхъ изслѣдованій о древнихъ гробницахъ и катакомбахъ, а семитологъ Ренанъ — въ Сирію, для изслѣдованія мѣстностей Сидона и Тира, по личному порученію Императора и на счетъ его собственной кассы.

3. Бельгійскіе университеты.

Хотя я пробылъ въ Бельгіи около двухъ мѣсяцевъ, но такъ-какъ это случилось въ ваканціонное время, то бельгійскіе университеты знакомы мнѣ только по разсказамъ людей компетентныхъ, собраннымъ на мѣстѣ. Ни въ Брюссель, ни въ Гентъ — двухъ университетскихъ городахъ, мной посѣщенныхъ, я уже не засталъ преподаванія, но, судя по собраннымъ свѣдѣніямъ, едва-ли эта потеря заслуживаетъ большаго сожалѣнія.

Въ Бельгiи — четыре университета, а именно: свободный университетъ въ Брюсселѣ (*université libre*), основанный и содержимый городомъ, католическо-ультрамонтанскій въ Лувенѣ, основанный и содержимый духовенствомъ (*université catholique*) и два казенные, и слѣдовательно либеральные, — въ Лiежѣ и Гентѣ.

Сколь ни различны они по направленiю и духу, но организація ихъ одна и та-же. Она составлена по образцу голландскихъ университетовъ, находящихся, какъ извѣстно, въ болыпомъ упадкѣ. Не входи въ ея подробности, ее можно охарактеризовать именемъ *индустріальнаго* устройства. Промышленно-цеховой, практическій духъ фламандскихъ городовъ отразился также и въ устройствѣ ихъ университетовъ, такъ — что, по ученому значенiю, они стоятъ ниже не только нѣмецкихъ, но даже французскихъ. Для каждаго званiя и дѣятельности существуютъ особые курсы, опредѣлены обязательные предметы и установлены особые экзамены, производимые комитетомъ ученыхъ присяжныхъ (*jury*), назначаемыхъ министерствомъ просвѣщенiя и духовныхъ дѣлъ. О наукѣ, независимой отъ своихъ практическихъ примѣненiй, и гуманномъ образованiи нѣтъ и рѣчи. Всѣ, съ кѣмъ я имѣлъ случай говорить объ этомъ, жалуются на этотъ упадокъ и аномальное университетское устройство. Люди, какъ Кетле и Лоранъ, Альтмейеръ и де-Молинари, въ одинъ голосъ, называютъ бельгійскіе университеты лавками, гдѣ пріобрѣтаются разныя академическія степени, дающія право на должности адвокатовъ, нотаріусовъ, судей, секретарей посольствъ, учителей и другія.

Съ общимъ характеромъ этой организаціи согласно и преподаваніе Исторіи. Какъ и по всемъ другимъ наукамъ, специальныхъ курсовъ историческихъ нѣтъ, читаются только общіе — древней, средней, новой исторіи и исторіи Бельгіи. Притомъ же преподается только исторія политическая. Ни исторія цивилизаціи, ни вспомогательныя науки не входятъ въ систему преподаванія. Невѣроятное послѣдствіе такой системы — отсутствіе самостоятельной разработки предмета, компиляторныя курсы, бѣдность исторической литературы, незначительность ея произведеній. *Альтмейеръ*, превосходно приготовленный Шлоссеромъ (онъ учился въ Гейдельбергѣ), въ теченіи 20-лѣтняго профессорскаго поприща, могъ написать очень немного самостоятельнаго. Читая въ брюссельскомъ университетѣ всѣ отдѣлы Всеобщей исторіи, онъ долженъ былъ ограничиться составленіемъ хорошихъ компилированныхъ курсовъ. Одинъ изъ нихъ (*Précis de l'histoire ancienne*) изданъ уже довольно давно; два другіе (средней и новой исторіи) готовятъ къ печати. Но Альтмейеръ изъ своего нѣмецкаго образованія вынесъ, по крайней мѣрѣ, основательность и серьезную науку. Но профессора исторіи, получившіе туземное воспитаніе, всѣ почти, — болѣе или менѣе, даровитые литераторы; но, кромѣ Лорана, нѣтъ ни одного, который бы, въ ученomъ отношеніи, возвышался надъ дилетантизмомъ и имѣлъ европейскую извѣстность. Таковы, напр., Мокъ и Жюсдъ (*Jusde*), въ Гентѣ (оба — авторы исторіи Бельгіи). У лувенскихъ профессоровъ (Давидъ и Аренсъ — тоже извѣстны своими исторіями Бельгіи) къ тому присоединяется еще

односторонность ультрамонтанскаго направленія. Моранъ изъ всего этого составляетъ какое-то счастливое исключеніе. Имя его даже въ Германіи произносится съ величайшимъ уваженіемъ; во Франціи онъ извѣстенъ менѣе; а въ своемъ отечествѣ — и это тоже характеристическая черта — на него обратили болѣе вниманія только со времени извѣстныхъ столкновеній его съ клерикальной партіей.

При такомъ состояніи университетовъ Бельгіи и ея исторіографіи, мои занятія въ Брюсселѣ, гдѣ я провелъ болѣе мѣсяца, могли состоять только въ литературныхъ трудахъ — въ Королевской библіотекѣ и частнымъ образомъ, и притомъ столько-же по части исторіографіи, особенно — англійской, сколько и государственныхъ наукъ. Изъ національныхъ бельгійскихъ трудовъ по части исторіографіи я обратилъ вниманіе на ученыя изданія и разные сборники матеріаловъ нидерландской исторіи, какъ — Гашара (*Correspondance de Philippe II, Corresp. de Guillaume le Taciturne*), Гронъ-фанъ-Принстерперъ (*Archive de la maison d'Orange—Nassau*) и Вейса (*Papiers d'Etat du cardinal Granvella*).

III. ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЯ И РОДСТВЕННЫЯ НАУКИ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ.

Этого рода занятія, не составляя главной цѣли моихъ трудовъ, не могли быть предприняты такъ систематически, какъ работы по части Исторіи собственно. Ограниченныя временемъ и случаемъ, они, по необходимости, должны были имѣть болѣе отрывочный характеръ. Я ихъ группирую въ слѣдующихъ трехъ отдѣлахъ: 1) Археологія въ обширномъ смыслѣ, съ ея разными отраслями, 2) Географія, 3) Государственныя науки.

1. Археологія.

Археологія античная и средневѣковая составляетъ нынѣ такую громадную отрасль ученой литературы и я такъ мало знакомъ былъ съ нею прежде, что въ этомъ отношеніи я долженъ былъ ограничиться двумя желаніями: познакомиться съ современнымъ ходомъ археологическихъ изслѣдованій и, сколько возможно, съ ихъ исторіей и — осмотрѣть, съ помощію хорошихъ руководителей и пособій, замѣчательнѣйшіе памятники фигуральной древности.

Все, что я успѣлъ сдѣлать въ томъ и другомъ отношеніи, главнымъ образомъ относится къ моему *шестинедѣльному путешествію по Италіи*, и особенно къ пребыванію въ Римѣ и Неаполѣ; ибо, какъ ни замѣ-

чательны нѣкоторыя археологическія коллекціи по сторону Альповъ, все же ихъ можно еще назвать бѣдными въ сравненіи съ тѣми неисчерпаемыми сокровищами древняго искусства, какія встрѣчаетъ путешественникъ въ итальянскихъ музеяхъ и на классической почвѣ Италіи.

Для пріобрѣтенія необходимѣйшихъ свѣдѣній по части исторіи и литературы древней Археологіи. Я обратился къ изданіямъ *«Института археологической корреспонденціи»* въ Римѣ (*Instituto di corrispondenza archeologica*), и особенно къ ежегодно издаваемому имъ археологическому журналу—*Annales et Bulletin de l'Institut de correspondance archéologique* (частію на французскомъ, частію на итальянскомъ языкѣ), доводящему до свѣдѣнія публики результаты трудовъ и изслѣдованій общества и служащему, такимъ образомъ, главнымъ, можно сказать, единственнымъ источникомъ свѣдѣній о современномъ ходѣ науки, которой онъ служитъ органомъ. Тутъ сообщаются результаты археологическихъ поисковъ, предпринимаемыхъ въ разныхъ мѣстахъ Италіи, Греціи, Малой Азіи и другихъ странъ, входящихъ въ кругъ изслѣдованій античной Археологіи—равно-какъ и вообще дѣлаемые въ этой области открытія; помѣщаются изслѣдованія о прежде найденныхъ памятникахъ и описанія новыхъ, недавно открытыхъ, а также—статьи по археологической топографіи, нумизматикѣ, глиптикѣ и керамографіи; отчеты археологическихъ экспедицій, библиографическія извѣстія, однимъ словомъ—журналъ Института представ-

ляетъ полнѣйшій комментарий современнаго движенія науки. Къ каждому выпуску прилагается атласъ (*Monumenti inediti*) съ рисунками замѣчательнѣйшихъ художественныхъ открытій.

Изданіемъ этимъ я занимался еще въ Берлинѣ и потомъ снова встрѣтился съ нимъ въ Римѣ, въ библіотекѣ самого Археологическаго Института, куда я получилъ доступъ по рекомендаціи французскаго академика Ренше, съ которымъ познакомился на переездѣ изъ Марсели въ Неаполь.

Археологическій Институтъ основанъ 30 лѣтъ тому назадъ по мысли Гергарда (нынѣ профессоръ археологій въ Берлинѣ), по заслугамъ въ области античной археологій и особенно исторіи искусства, могущаго стать на ряду съ Винкельманомъ, — и подъ покровительствомъ покойнаго короля прусскаго Фридриха Вильгельма IV. Это, безъ сомнѣнія, — главнѣйшій центръ всей археологической дѣятельности современной ученой Европы; ибо Институтъ, (усвоившій нынѣ *методъ сравнительнаго изученія Археологии*, давшій уже такіе блистательные результаты въ другихъ отрасляхъ науки древности — мифологій, языкознаніи и пр.), состоитъ въ связи со всѣми замѣчательнѣйшими археологическими учрежденіями и учеными различныхъ странъ, труды и открытія которыхъ сосредоточиваются и получаютъ окончательную санкцію здѣсь, какъ въ высшей своей инстанціи. Имена К. О. Мюллера и Летрова, Бёттигера и Миллингена, Рауль-Рошетта, Тирша, Катрмэра, Додвелля, Павофки, Бэка, Велькера, Гиньо,

Буизена, Грегоровіуса и Генцема—блестятъ въ спискѣ многочисленныхъ бывшихъ или нынѣшнихъ членовъ этой международной академіи, утвердившей мѣсто своихъ засѣданій на Капитоліи, въ самомъ центрѣ античныхъ воспоминаній.

Уже съ конца 30-тыхъ годовъ вниманіе ученыхъ членовъ Института охладѣло значительно къ керамографическимъ изслѣдованіямъ, поглощавшимъ нѣкогда почти всю ихъ дѣятельность, возбужденную извѣстнымъ открытіемъ 4,000 древнихъ вазъ въ этрусскихъ гробницахъ Вульчи,—и перенеслось, главнымъ образомъ, на топографію древняго Рима, составляющую и по-нынѣ главную задачу археологовъ. Работы, начатыя, 20 лѣтъ тому назадъ, для отрытія всего пространства между Капитоліемъ и Колизеемъ, въ теченіи вѣковъ ушедшаго въ землю почти на три сажени, продолжаются и по-нынѣ, благодаря необходимости, въ какой видить себя нынѣшнее римское правительство—доставлять работу нищенствующему классу народонаселенія, и содѣйствію французскаго правительства и Института. Не смотря на работы болѣе 300 землекоповъ, занятыхъ ежедневно, до-нынѣ отрыта только часть древняго форума (*forum vetus*); но и тѣ отрытія, которыя были сдѣланы только на этомъ пространствѣ (развалины храмовъ Сатурна, Минервы Халкидики, базилики Юлія и Эмілія, роствъ, Табулларіума, храма Согласія, Куріи и пр.), довольно важны и довольно загадочны, чтобы вызвать первыхъ археологовъ нашего времени на остроумѣйшія, хотя все-таки проблематическія

изслѣдованія. Forum vetus и окружающіе его памятники подали поводъ къ цѣлой литературѣ археологикотопографическихъ изысканій, которыя, начиная съ Beschreibung der Stadt Rom Платнера и Бунзена (1830 — 1843) и со Scriptorum de regionibus Urbis (1837), продолжаются и до настоящаго времени, сосредоточиваясь, главнымъ образомъ, въ анналахъ Археологическаго Института.

Подъ нея развивалась другая литература—археологико-художественныхъ трудовъ, или такъ называемыхъ «Реставрацій» древнихъ памятниковъ, лучшимъ сводомъ которыхъ былъ извѣстный сборникъ Каннины (Canina), какъ иллюстрація къ его ученому труду—Indicazione topografica di Roma antica (1841).

Если сообразить, что открытыя до-нынѣ части форума и поиски производимые въ другихъ мѣстахъ (какъ напр.—въ термахъ Каракаллы, гдѣ работало въ послѣднее время до 500 человекъ), составляютъ только самую незначительную часть того, что еще скрыто подъ землею,—что подъ главной улицей нынѣшняго Рима (Corso) лежитъ обелпскъ и скрыты остатки какого-то дворца, что весь новый городъ стоитъ на развалинахъ древняго, что, наконецъ, судя по отзывамъ Плинія и Павзанія и типамъ, уцѣлѣвшимъ на древнихъ камняхъ и барельефахъ Пароенона, лучшія произведенія древняго искусства до насъ не дошли и, можетъ быть, будутъ отысканы со временемъ, то легко представить—на сколько десятковъ лѣтъ, и можетъ быть—столѣтій, сосредоточена будетъ дѣятельность ученыхъ на этихъ предметахъ.

Съ другой стороны, цѣлый отдѣльный міръ представляет *средневѣковая Археологія Рима*, нашедшая въ Бунзенъ и Висконти своихъ лучшихъ истолкователей и породившая въ послѣднее время очень замѣчательныя изслѣдованія Грегоровіуса (*Rome au moyen-âge, des tombeaux des papes*), принадлежащія всеобщей литературѣ.

Конечно, знакомство мое со всей этой громадной литературой могло быть только поверхностное, такъ сказать — библиографическое. Для справокъ же, руководства и ориентированія при самомъ осмотрѣ памятниковъ, я пользовался извѣстнымъ сочиненіемъ К. О. Мюллера (*Handbuch der Archäologie*, въ 3-мъ изданіи Велькера), буркгардтовымъ *Cicerone*, французскимъ руководителемъ (*Guide*) по *Italie du Pays*, — и совами русскихъ художниковъ, особенно г. Иванова (брата знаменитаго живописца), отлично знакомаго съ римскими древностями и въ послѣднее время составившаго себѣ даже ученую извѣстность превосходными реставраціями термъ Каракаллы.

Говорять, что покойный папа Григорій XVI довольно иронически принималъ тѣхъ, кто на короткое время пріѣзжалъ въ Римъ для осмотра его памятниковъ. Проживши въ Римѣ около трехъ недѣль, я совершенно понимаю смыслъ этой ироніи. Въ такое короткое время можно осмотрѣть безчисленные *римскіе памятники* только дилетантскимъ образомъ. Тѣмъ не менѣе, я видѣлъ все, или, по крайней мѣрѣ, все замѣчательнѣйшее, отъ

тарквиніевої кладки, какъ древнѣйшаго памятника, уцѣлѣвшаго отъ стараго Рима, до Коллизея и базилики св. Петра, отъ Via Appia, съ ея катакомбами и колумбаріями, до развалинъ гадріановой виллы въ Тиволи. Впечатлѣніе осталось общее; частныхъ и подробностей я не имѣлъ времени усвоить; но и этотъ поверхностный взглядъ на матеріальные остатки вѣчнаго города значить уже много для челоуѣка, занимающагося исторіей. Особенное вниманіе обращено было мной на музеи Ватикана, Капитолія, Латерана (христіанскихъ древностей) и нѣкоторые частныя, какъ напр. въ Villa Albani и Villa Borghese.

Если римскіе музеи, особенно ватиканскій, представляютъ богатѣйшія коллекціи памятниковъ древняго ваянія (Аполлонъ бельведерскій, группа Лаокоона, Меркурій капитолійскій, Мелеагръ, Венера капитолійская, Гермафродитъ, умирающій Гладіаторъ — считаются, какъ извѣстно, вѣчными образцами пластическаго искусства), и этрускнхъ древностей; то въ Неаполь я имѣлъ случай видѣть первые въ мірѣ кабинеты античныхъ бронзъ (отдыхающій Меркурій, пьяный Фавнъ, дискоболы, конная статуя проконсула Бальбы — суть *sarí d'orege* этого знаменитаго собранія), и столь знаменитыя коллекціи древнихъ фрескъ, перенесенныхъ сюда изъ разныхъ мѣстъ Италіи и преимущественно — изъ помпейскихъ развалинъ. Въ этомъ отношеніи, равно какъ по изумительной полнотѣ отдѣленій — хозяйственныхъ принадлежностей древней жизни, античныхъ мозаикъ и греко-этрускнхъ вазъ, — Королевско-Бурбонскій музей (Real

Museo Borbonico, или Studii) есть, безспорно, единственный въ мірѣ. Здѣсь я встрѣтилъ въ натурѣ, и притомъ въ разнообразѣйшихъ экземплярахъ, всѣ тѣ безчисленныя принадлежности публичнаго и частнаго быта Римлянъ, о которыхъ прежде читалъ въ книгахъ, подобныхъ сочиненію Дезобри. Его Rome au siècle d'Auguste, въ значительной части, составленъ, именно, по этимъ коллекціямъ.

Другой не менѣ поучительный музей древней архитектуры, и вообще — дающій наглядное понятіе обо всемъ механизмѣ древняго общественнаго и частнаго быта, представляли для меня *развалины Помпеи*, разрытіе которыхъ, къ сожалѣнію, теперь вовсе пріостановлено, да и всегда шло очень медленно, такъ-что, въ теченіи 80-ти лѣтъ, протекшихъ со времени первыхъ открытій, вырыта едва третья часть города.

Еще медленнѣе идутъ, да и едва-ли когда-нибудь будутъ идти успѣшнѣе, работы, предпринятыя для открытія *Геркуланума*, какъ извѣстно, залитаго лавой, глубиной иногда на сто футовъ. Съ 1720 года, когда князь д'Эмбѣфъ, по случаю рытаго въ окрестностяхъ Портичи колодца, открылъ первые слѣды подземнаго города, далеко превосходившаго Помпеи по величинѣ и богатству, — вырытъ и расчищенъ только театръ, часть форума, храмъ Юпитера и нѣсколько домовъ (при немъ работало здѣсь только 4 человека). При томъ-же на лавъ, поглотившей Геркуланумъ, стоитъ теперь Портичи, что, разумѣется, еще болѣе затрудняетъ поиски.

Кромѣ этихъ экскурсій въ окрестностяхъ Неаполя (а также на *Байскій берегъ*, столь богатый историческими воспоминаніями), я предпринималъ еще поѣздку въ *Пестумъ*, для осмотра знаменитыхъ пестумскихъ храмовъ (Нептуна и Весты), какъ одного изъ древнѣйшихъ, уцѣлѣвшихъ донынѣ памятниковъ греческаго искусства, еще близкаго къ египетскому стилю.

На перѣздѣ изъ Марсели въ Неаполь и Римъ, я имѣлъ случай видѣть мелькомъ *Геную* и *Пизу*, а на обратномъ пути останавливался на нѣсколько дней во *Флоренціи* и *Венеціи*.

Во *Флоренціи* я, сколько успѣлъ, обращалъ вниманіе на исторію живописи, которую удобнѣе всего можно было бы изучать здѣсь, въ знаменитыхъ галлерейхъ *Uffizzi* и *Palazzo Pitti*, осмотрѣлъ медичейскіе памятники и видѣлъ нѣсколько образцовыхъ произведеній древняго ваянія (Венера медичейская, рабъ оттачивающій ножъ, гладіаторы, Аполлонъ и Фавнъ Праксителя — всѣ помѣщены въ Трибунѣ).

Въ *Венеціи* — осматривалъ мѣстные древности въ *Palazzo ducale* и другихъ мѣстахъ.

Посѣщеніе лучшихъ въ Европѣ археологическихъ коллекцій, въ *Лондонѣ*, *Парижѣ* и *Берлинѣ*, служило дополненіемъ къ тѣмъ нагляднымъ свѣдѣніямъ, которыя пріобрѣлъ я по этой части въ Италіи. Такъ, осмотръ *Exhibition-rooms* *Британскаго музея* далъ мнѣ случай видѣть знаменитые парфенонскіе барельефы (въ коллекціи лорда Эльджина), лучшую коллекцію египетскихъ древностей и музей ассирійскихъ скульптурныхъ памят-

никовъ, въ теченіи послѣдняго десятилѣтія, составлен-
ный трудами Лайарда, Рэссама, Лофтуса и Ролинсона.

При посѣщеніи *Луврскихъ музеевъ*, особенно грече-
скаго и египетскаго отдѣленія (также одного изъ важ-
нѣйшихъ въ мірѣ), я, кромѣ обыкновенныхъ объясни-
тельныхъ пособій, имѣлъ случай пользоваться иногда
личнымъ руководствомъ виконта Руже, директора еги-
петскаго музея и нынѣшняго профессора Археологіи въ
Collège de France.

Въ Берлинѣ, наконецъ, посѣщеніемъ лекцій *Ленсіуса*
(о строеніи пирамидъ, о жизни и нравахъ древнихъ Егип-
тянъ) и *Гергарда* (исторіи древняго искусства), равно
какъ осмотромъ ими организованныхъ отдѣленій *Новаго*
и *Стараго музеевъ*, заключающихъ египетскія и геллен-
скія древности, я старался, сколько было возможно, по-
полнить мои свѣдѣнія по части древней Археологіи.

Еще болѣе удалось мнѣ посѣтить *коллекцій средне-
вѣковыхъ древностей*, которыхъ особенно много я встрѣ-
тилъ въ Германіи. Я назову только замѣчательнѣйшія.
Первое мѣсто между ними принадлежитъ, безспорно, *Hô-
tel de Clugny* въ Парижѣ, заключающему наибѣе,
какое я видѣлъ, собраніе памятниковъ и остатковъ сред-
невѣковаго быта, въ разнообразнѣйшихъ и рѣдкихъ эк-
земплярахъ. За нимъ слѣдуетъ *Лондонскій Тауэръ* (To-
wer) съ его богатѣйшими музеями древняго и средне-
вѣковаго оружія. *Дрезденскій оружейный кабинетъ*
(Waffensammlung, или das Historische Museum — въ
Цвингерѣ) и вѣнская *Амброзіанская коллекція* (Am-
broser Sammlung, въ Бельведерѣ, бывшемъ дворцѣ прип-

ца Евгенія Савойскаго), непосредственно могутъ быть поставлены послѣ Кюни и Тауэра. Затѣмъ идутъ другія германскія коллекціи: *Музей спѣерныхъ древностей* (Altnordisches Museum) въ Новомъ берлинскомъ музѣе, *Нюрнбергскій всегерманскій музей*, основанный, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, извѣстнымъ германистомъ барономъ Ауфзесомъ и заключающій, кромѣ копій со всѣхъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ средневѣковаго германскаго искусства, всеобъемлющіе археологическіе и библіографическіе каталоги (Repertoria) германской старины; далѣе, музей рейнскихъ древностей въ Боннѣ, археологическіе кабинеты въ Дармштадтѣ и во Франкфуртѣ на Майнѣ, — не считая тѣхъ безчисленныхъ памятниковъ средневѣковой старины, какіе я встрѣчалъ во всѣхъ европейскихъ библіотекахъ, отъ Ватиканской до библіотеки Британскаго музея.

Наконецъ, чтобъ составить себѣ наглядное понятіе о механизмѣ и внѣшнихъ, матеріальныхъ условіяхъ феодальнаго быта средневѣковаго рыцарства я не упустилъ случая, гдѣ онъ представлялся, осматривать *рыцарскіе и княжескіе зѣмки*, уцѣлѣвшіе отъ тѣхъ временъ. Изъ нихъ я посѣтилъ — Штольценфельсъ, на Рейнѣ, близъ Кобленца, возобновленный наслѣднымъ принцемъ прусскимъ въ средневѣковомъ стилѣ, Вартбургъ, близъ Эйзенаха въ Тюрингіи, столь извѣстный по многимъ историческимъ воспоминаніямъ, тоже реставрированный нынѣшнимъ В. Герцогомъ, гейдельбергскій Шлоссъ, бывшій резиденціей пфальцскихъ курфирстовъ и нынѣ лежащій въ развалинахъ, наконецъ — нюрнбергскій Бургъ,

со многими слѣдами и остатками старинныхъ временъ, уцѣлѣвшими (и отчасти подновленными) еще отъ той эпохи, когда здѣсь жилали салическіе Генрихи и потомъ — Гогенштауфены.

Извѣстна тѣсная связь развитія ученія о *Мифологіи* съ успѣхами сравнительнаго языкознанія съ одной стороны, и съ другой — археологическихъ изслѣдованій. По этому, то немногое, что мнѣ удалось сдѣлать по этой части, я тоже отношу къ этому отдѣлу.

Мифологія, научное начало которой, 35 лѣтъ тому назадъ, положено было К. О. Мюллеромъ (*Prolegomena zu einer wissenschaftlichen Mythologie*), въ последнее время, опираясь на изумительныя открытія сравнительнаго языкознанія, пролившія столько неожиданнаго свѣту даже на такія эпохи, которыя обыкновенно привыкли считать доисторическими, и слѣдую своему сравнительному методу, — дала такіе важныя результаты для самой исторіи древняго міра, что общее знакомство съ этими результатами должно составлять одну изъ самыхъ необходимыхъ частей исторической пропедевтики. По этому, я имѣлъ въ виду познакомиться также, сколько-нибудь, и съ современными трудами по части *Сравнительной Мифологіи*, о литературѣ которой пріобрѣлъ нѣкоторыя свѣдѣнія у бывшаго дерптскаго профессора *Прэллера* (нынѣ бібліотекаря въ Веймарѣ), своими сочиненіями о греческой и римской Мифологіи пріобрѣвшато европейскую извѣстность. По этимъ указаніямъ, я старался получить понятіе о нѣкоторыхъ статьяхъ въ Куновомъ журналѣ (*Kuhn's Zeitschrift für die verglei-*

chende Sprachforschung), а также — о популярных и болѣе общедоступныхъ мемуарахъ оксфордскаго профессора Макса Мюллера (въ Oxford-essays); во время же занятій моихъ въ Императорской парижской библіотекѣ, о сочиненіи академика Альфреда Мори (Mauru, Histoire des religions de la Grèce antique) и мемуарахъ акад. Гиньо и страсбургскаго профессора Бергмана.

. 2. Географія.

Географіей я имѣлъ случай заниматься только въ Германіи, и именно — въ Берлинѣ, ибо основанная Карломъ Риттеромъ наука сравнительнаго землевѣдѣнія, какъ отрасль, представляющая наиболѣе интереса для изучающаго историческія науки, не распространилась въ нѣмецкихъ университетахъ въ такихъ размѣрахъ, какъ того слѣдовало бы ожидать по несомнѣнной важности и плодovitости новаго направленія. Изъ числа всѣхъ, посѣщенныхъ мною германскихъ университетовъ, я встрѣтилъ самостоятельныя кафедры Географіи только въ Берлинѣ и Вьенѣ. Въ Боннѣ и Мюнхенѣ есть, правда, приватъ-доценты Географіи; но преподаваніе въ первомъ изъ этихъ городовъ не имѣло до-нынѣ успѣха и слушателей, и потому отложено до болѣе благопріятнаго времени; что-же касается до извѣстнаго путешественника Шлягинвейта, читающаго географическіе курсы въ Людвигъ-максимиліановомъ мюнхенскомъ университетѣ, то преподаватель этотъ состоитъ болѣе почетнымъ членомъ университета и большую часть времени проводитъ въ разъѣздахъ и путешествіяхъ.

Такимъ образомъ, Берлинъ есть главный и, можно сказать, единственный пунктъ Германіи, гдѣ можно основательно познакомиться съ преподаваніемъ современной науки землевѣдѣнія. Въ бытность мою здѣсь, во время зимняго семестра 1858 — 1859 года, я имѣлъ счастье застать еще курсы знаменитаго основателя новой науки, нынѣ уже похищеннаго смертію. Восмидесятилѣтній *K. Rümmer* читалъ тогда одинъ общій курсъ *der allgemeinen Erdkunde*, съ предварительными лекціями объ исторіи науки, и одинъ спеціальный — о географіи Африки и объ исторіи путешествій и географическихъ открытій въ этой части свѣта. Курсъ этотъ отчасти составлялъ извлеченіе изъ его извѣстнаго большого сочиненія (*Die Erdkunde im Verhältniss zur Natur und Geschichte des Menschen*), къ сожалѣнію, оставшагося неоконченнымъ, ибо важнѣйшая и интереснѣйшая часть труда — о географіи Европы, большею частію, осталась въ необработанныхъ матеріалахъ и едва-ли вполнѣ будетъ передана публикѣ.

Еще поучительнѣе былъ для меня общій курсъ Риттера, составлявшій какъ-бы компендіарный сводъ всѣхъ его главныхъ идей о наукѣ сравнительнаго землевѣдѣнія, гдѣ профессоръ не только указывалъ на рядъ историческихъ явленій, условленныхъ вліяніемъ мѣстныхъ особенностей того или другаго края; но и на тѣ историческія возможности, которыя, какъ въ зародышѣ, лежатъ въ строеніи и географическихъ условіяхъ различныхъ странъ и частей свѣта и которыя могутъ еще развиться, при содѣйствіи необходимыхъ для того обстоятельствъ.

У Риттера были два сотрудника по преподаванію, образовавшіеся подъ его непосредственнымъ руководствомъ, *Мюллеръ* и *Кипертъ*. Но курсы ихъ, — перваго о географіи и этнографіи Европы, втораго о географіи и этнографіи Азіи, при непобѣдимомъ соперничествѣ учителя, имѣли очень скудныя аудиторіи и оставались въ тѣни. Тѣмъ не менѣе, не смотря на замѣтный недостатокъ преподавательскаго таланта, Кипертъ, какъ извѣстно, одинъ изъ ученѣйшихъ и лучшихъ современныхъ нѣмецкихъ географовъ. По смерти Риттера и Александра Ф. Гумбольдта, ему, вѣроятно, будетъ принадлежать честь главнаго представительства географической науки въ Германіи.

До-нынѣ Кипертъ извѣстенъ былъ, преимущественно, какъ отличнѣйшій изъ германскихъ картографовъ. *Topographisch — historische Atlas v. Hellas und den hellenischen Colonien*, *Bibelatlas*, *Karte v. Kleinasien*, для составленія которой онъ собиралъ данныя на мѣстѣ, *Historisch — geographische Atlas der alten Welt*, могущій соперничать съ извѣстнымъ шпрунеровымъ *Atlas antiquus*, — все это такіе труды, которые имѣютъ важное значеніе во всемъ ученомъ мірѣ. Но и независимо отъ этихъ заслугъ, Кипертъ, какъ отличный филологъ, оріенталистъ и историкъ, обьщаетъ много наукъ, и уже въ 1844 году французскій Институтъ присудилъ ему первую премію за его *Historisch — geographische Erläuterungen der Kriege zwischen dem oströmischen Reich und den persischen Königen der Sassaniden-Dynastie*. Въ настоящее время Кипертъ занимается изслѣдованіа-

ми объ азіатской этнографіи, долженствующими служить дополненіемъ къ большому риттерову труду.

и Все-же главное вниманіе обращено было мной на курсы и сочиненія Риттера, и особенно на тѣ изъ послѣднихъ, по которымъ можно было познакомиться съ его общими идеями о созданной имъ наукѣ. Такъ, во время занятій моихъ въ Королевско-берлинской библіотекѣ, имѣлъ я случай познакомиться съ его *Abhandlungen zur Begründung einer mehr wissenschaftlichen Behandlung der Erdkunde*, помѣщенными въ мемуарахъ (*Denkschriften*) берлинской Академіи Наукъ; равно-какъ и съ другими статьями подобнаго содержанія въ *Monatsberichten* берлинскаго географическаго общества, котораго покойникъ былъ председателемъ.

Другаго рода преподаваніе Географіи встрѣтилъ я въ Вѣнѣ у профессора *Симони*. Это были такъ называемыя географическія упражненія (*geographische Uebungen*), гдѣ студенты, подъ руководствомъ преподавателя, занимались составленіемъ статистико-географическихкихъ и физико-географическихкихъ таблицъ австрійской имперіи, какъ, напр., сравнительной высоты странъ и областей Австріи, относительной плотности ихъ народонаселенія, климатологическихкихъ таблицъ, таблицъ приращенія добычи металловъ, — производительныхъ и непроизводительныхъ земель, — отношенія полей къ лѣсамъ, — распредѣленія виноградниковъ и проч. Упражненія эти были, большею частию, кандидаты на учительскія мѣста въ гимназіяхъ (*Lehramtsandidaten*) и

еще болѣе — камералисты, готовящіеся на должности въ разныхъ хозяйственныхъ бюро казенной службы.

Хотя г. Симони объяснялъ мнѣ, что онъ читаетъ иногда и курсы, по методѣ и сочиненіямъ Риттера; но, по видимому, педагогическія и камеральныя упражненія составляютъ главную сторону преподаванія, — какъ и вообще, въ австрійскихъ университетахъ преподаваніе приспособлено болѣе къ практическимъ цѣлямъ.

Такъ-точно и въ другомъ австрійскомъ университетѣ, съ которымъ я имѣлъ случай познакомиться, а именно — въ пражскомъ, особой кафедры Географіи нѣтъ, но профессоръ Исторіи упражняетъ своихъ слушателей практически — черченіемъ и объясненіемъ географическихъ и топографическихъ картъ, въ видѣ дополненія къ ихъ занятіямъ по части Исторіи.

Этимъ ограничились мои географическія занятія въ Германіи, если не упоминать о томъ, что въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ я пріобрѣталъ нѣкоторыя свѣдѣнія о новѣйшей географической литературѣ, частью посредствомъ петермановыхъ «Mittheilungen» и гумпрехтова географическаго журнала (*Zeitschrift für allgemeine Erdkunde*), или же — личными сношеніями съ книгопродавцами.

Далѣе, во время жизни моей въ Брюссель, я имѣлъ досугъ и возможность познакомиться болѣе непосредственно съ литературой Географіи, посѣщая иногда Географическое засѣданіе (*Etablissement géographique*) г.

Ванз-деръ-Маалена, заключающее, кромѣ картографической мастерской и этнографическихъ кабинетовъ, отличную библіотеку (болѣе 30 т. томовъ) сочиненій по части Исторіи, Этнографіи, Естественныхъ наукъ и преимущественно — Географіи и Статистики.

Г. Ванз-деръ-Мааленъ, частный человѣкъ, съ огромнымъ состояніемъ, но съ образованіемъ далеко не ученымъ. По страсти, свойственной многимъ богатымъ людямъ, онъ рѣшился, однако, посвятить себя ученымъ занятіямъ. Предметомъ ихъ онъ избралъ Географію, — и вотъ уже 30 лѣтъ, какъ жертвуетъ онъ ей всѣмъ своимъ временемъ, своими трудами и милліонами. Домъ его, открытый для всѣхъ, кто желаетъ пользоваться его учеными пособіями, превратился въ музей, очень замѣчательный для частного лица; но что еще важнѣе, — въ справочное бюро, гдѣ можно, посредствомъ отлично организованнаго подвижнаго каталога, состоящаго уже болѣе чѣмъ изъ двухъ милліоновъ номеровъ, получить всякаго рода библіографическія и литературныя свѣдѣнія по части естественныхъ, историческихъ и государственныхъ наукъ.

Наконецъ, посѣщая лекціи *Ecole des Chartes* въ Парижѣ, я обращалъ также вниманіе на курсъ географіи средневѣковой Франціи профессора *Лакабана*; а въ библіотекѣ училища пріобрѣлъ нѣкоторыя библіографическія свѣдѣнія по этой части.

Что касается до курса Географіи, который я засталъ во Французской Коллегіи, то онъ преподавался (про-

фессоромъ Himly — объ открытіяхъ Колумба) такъ дилетантски, что я не счелъ интереснымъ посѣщать его.

Къ сожалѣнію, кратковременное пребываніе мое въ Лондонъ и вообще ограниченность времени — не позволили мнѣ познакомиться съ трудами перваго и важнѣйшаго изъ географическихъ обществъ — Royal geographical society, котораго Transactions я успѣлъ просмотрѣть только поверхностно въ библіотекѣ Британскаго музея.

Наконецъ, что касается другихъ ближайшихъ вспомогательныхъ наукъ Исторіи — *Нумизматики*, *Геральдики*, *Дипломатики*, *Палеографіи*, то, кромѣ Школы Хартій, о которой я уже упоминалъ, въ Германіи, я встрѣтилъ правильное ихъ преподаваніе въ одной только *Вѣнѣ*. Въ другихъ нѣмецкихъ университетахъ онѣ читаются только отъ времени до времени и притомъ — далеко не въ такой полнотѣ.

Вообще, если преподаваніе Исторіи въ Вѣнскомъ университетѣ, со стороны ученой самостоятельности и строга-академическаго характера, уступаетъ, можетъ быть, другимъ германскимъ университетамъ, то за-то оно выигрываетъ со стороны полноты. Не говоря о Географіи, о которой я уже упоминалъ, изъ ближайшихъ вспомогательныхъ наукъ Исторіи здѣсь преподаются: Геральдика и ея исторія профессоромъ *Кайзеромъ*, читающимъ также, почти ежегодно, специальный курсъ исторіи Венгріи (по Майлату); Хронологія, Дипломатика и Палео-

графія — профессором Зикелемъ. Две послѣднія науки преподаются практически, въ видѣ палеографическихъ упражненій, по составленному этимъ преподавателемъ сборнику образцовъ (*fac simile*), подъ именемъ *Monumenta graphica medii aevi*.

Демонстративныя лекціи Нумизматики преподаются въ нумизматическомъ кабинетѣ (*Münz- und Antiken-Sammlung* — въ Императорскомъ Бургѣ) профессоромъ Арнетомъ, по системѣ Энгеля, основателя и главнаго авторитета этой науки (*Doctrina nummorum veterum*). Этотъ же профессоръ читаетъ иногда и Генеалогію, по собственному курсу.

Преподаваніе всѣхъ этихъ вспомогательныхъ и приготовительныхъ отраслей Исторіи предназначено, преимущественно, для воспитанниковъ *Института отечественной исторіи* (*Institut der vaterländischen Geschichte*), спеціально приготовляемыхъ для палеографическихъ занятій въ архивахъ и при Исторической Коммиссіи Академіи.

Я засталъ только лекціи Нумизматики и Геральдики, которыя и посѣщалъ во все время моего пребыванія въ Вѣнѣ, пользуясь знакомствомъ профессора Арнета для пріобрѣтенія, по крайней мѣрѣ, необходимѣйшихъ свѣдѣній по бібліографіи этихъ наукъ и руководствомъ его — при осмотрѣ античныхъ памятниковъ въ разныхъ кабинетахъ, состоящихъ въ его завѣдываніи (*Münz- und Antiken-Sammlung* и коллекціи обоихъ Бельведеровъ).

3) Государственные науки.

Хотя Государственные науки не могли составлять предмета моихъ особенныхъ и систематическихъ занятій; но, понимая, какъ во многихъ отношеніяхъ важно для преподавателя Исторіи знакомство съ ихъ исторіей и современнымъ состояніемъ, я имѣлъ въ виду, сколько было возможно, и эту обязанность. О правильныхъ занятіяхъ по этой части, конечно, не могло быть и рѣчи; но я не упускалъ случая пріобрѣтать свѣдѣнія по *Политической Экономіи* и *Статистикѣ*, *Государственному* и *Естественному праву* и *Праву Общепародному*, обращая главное вниманіе на ихъ литературу, дабы впоследствии, при удобномъ случаѣ, быть въ состояніи пользоваться и этими пособіями.

Политической Экономіей и *Статистикой* я имѣлъ случай заниматься, преимущественно, въ Брюссель и Парижъ, какъ потому, что жилъ тамъ, отчасти въ вакаціонную пору, и слѣдовательно имѣлъ болѣе времени для такихъ занятій, такъ и потому, что нашелъ тамъ случай пользоваться нѣкоторыми экономическими знакомствами, а именно академика и директора брюссельской обсерваторіи *Кетле* и бывшего профессора брюссельскаго университета *Гюстава де-Моллиари* — въ Брюссель, а въ Парижъ — *Жозефа Гарнье*, профессора Политической Экономіи въ Училищѣ путей сообщенія (*Ecole des ponts et chaussées*) и издателя *Annuaire de l'économie politique*.

При предупредительныхъ указаніяхъ этихъ лицъ и при пособіи библиотекъ Королевско-брюссельской и Императорской въ Парижѣ, я старался познакомиться, сколько успѣлъ, преимущественно, съ такими явленіями экономической литературы, которыя имѣютъ ближайшее отношеніе къ Исторіи, — какъ, напр., съ сочиненіемъ Чиббаріо (бывш. сардинскій министръ народнаго просвѣщенія и членъ туринской Академіи Наукъ) *l'Economie politique du moyen-âge*, вновь недавно изданнымъ членомъ Института Воровскимъ; со Статистикой народовъ древняго міра (*Statistique des peuples de l'antiquité*) академика Моро-де-Жоннеса; съ книгою Гильдебранда — *die National-Ökonomie der Gegenwart und Zukunft*, какъ одной изъ лучшихъ критикъ и здравой философской оцѣнкой нынѣ господствующей индустриальной системы; далѣе — съ тѣмъ отдѣломъ историко-экономической литературы, который имѣетъ предметомъ изслѣдованіе судебъ низшихъ сословій во Франціи, и который, въ послѣднее время, произвелъ нѣсколько весьма замѣчательныхъ ученыхъ явленій, какъ напр. *Histoire des classes rurales en France* Дониоля, и особенно — *Histoire des classes ouvrières en France* — молодого, но уже очень извѣстнаго ученаго Левассёра, недавно увѣнчанаго за свое сочиненіе Академіей Наукъ. Наконецъ, я запасался библиографическими свѣдѣніями о замѣчательнѣйшихъ въ нынѣшней экономической литературѣ явленіяхъ, какъ, напр., о сочиненіяхъ Стюарта Милля и Рошера.

Постоянно я не слѣдилъ нигдѣ за курсами Политической Экономіи и Статистики; но, въ свободное отъ дру-

гихъ занятій время, бывалъ на лекціяхъ этого содержания, чтобъ получить понятіе — въ какомъ духѣ и методѣ преподаются за границей эти отрасли общественныхъ знаній. Такъ, я имѣлъ случай слышать *Рау* въ Гейдельбергѣ, покойнаго *Дитерици* въ Берлинѣ и молодого сотрудника (*suppléant*) Мишеля Шевалье, *Бодрильара* — во Французской Коллегіи.

Изъ юридическихъ курсовъ я посѣщалъ лекціи академика *Лабуле* въ Collége de France, о которыхъ уже упоминалъ въ другомъ мѣстѣ этого отчета, и тамъ-же курсъ Естественнаго права профессора и академика *Франка*, который былъ бы для меня еще болѣе интересенъ, если-бъ не читался съ тѣмъ риторизмомъ, который, къ сожалѣнію, слишкомъ часто встрѣчается въ парижскомъ академическомъ преподаваніи.

Тѣмъ полезнѣе были для меня нѣкоторые курсы Государственныхъ наукъ, которые мнѣ удалось слышать въ Германіи (Энциклопедіи государственныхъ наукъ *Моля* въ Гейдельбергѣ, Системы государственныхъ наукъ *Риля* въ Мюнхенѣ, Англійскаго государственнаго права *Гнейста* въ Берлинѣ) и изъ которыхъ я извлекъ, по крайней мѣрѣ, ту пользу, что они обратили мое вниманіе на историко-юридическую литературу, для знакомства съ которой я избралъ руководителемъ недавно изданное превосходное сочиненіе *Моля* — *Litteratur und Geschichte der Staatswissenschaften*. Изъ новыхъ явленій по части этой литературы я познакомился съ *Geschichte der philosophischen Moral- Recht- und Staatslehre der Engländer und Franzosen* — марбургскаго про-

728801

профессора Форлендера, съ *Encyclopædie der Staatswissenschaften* — Моля, съ *Staatslexicon* — Bluntschli и съ сочиненіемъ Рота — *das Beneficialwesen*, гдѣ онъ опровергаетъ старинный авторитетъ Эйхгорна о древне-германскомъ общественномъ устройствѣ.

Знакомство мое, наконецъ, съ литературой *Общеправнаго права* происходило, большею частію, посредствомъ занятій въ библіотекахъ; ибо Лоранъ, котораго я желалъ слышать, читаетъ въ Гентѣ совершенно новую отрасль законовѣдѣнія, а курсъ Гейстера, который я могъ посѣщать въ Берлинѣ, не представлялъ для меня особеннаго интереса, такъ-какъ онъ уже большею частію извѣстенъ по руководству, издаанному этимъ ученымъ. Въ Парижѣ, въ мое время, эта отрасль науки права не читалась вовсе, такъ-что я уже нигдѣ болѣе не имѣлъ случая встрѣтиться съ хорошимъ курсомъ *Общеправнаго права*; ибо только въ Парижѣ и Берлинѣ я жилъ относительно довольно долго; въ другихъ же мѣстахъ останавливался проездомъ и на короткое время.

Тѣмъ болѣе я обязанъ профессору Лорану, съ рѣдкимъ вниманіемъ и готовностію снабдившему меня указаніями на счетъ историческаго отдѣла новѣйшей литературы *Общеправнаго права*. Въ парижской библіотекѣ я также посвятилъ нѣкоторое время на библіографическія занятія по этому отдѣлу и осматривалъ замѣчательнѣйшіе сборники трактатовъ и другихъ дипломатическихкихъ актовъ и документовъ.

